

***

Все три трагедии разыгрались в одном и том же месте и наверняка в один и тот же день. А день, конечно же, был прекрасный: солнечный, нестерпимо жаркий. В такие дни деревья обычно потеют от жары. Вот они и потели в этот знойный тропический полдень, причем делали это так, как принято у деревьев, — истекали смолой, живицей.

Росли же эти хвойные деревья, по всей видимости, не только на суше, но и в воде. И в воде же качались какие-то экзотические цветы, привлекая насекомых необыкновенной раскраской и упоительным ароматом. На один из таких цветков опустилась бабочка. Попивая сладкий нектар, она то складывала, то опять распускала свои огромные яркие крылышки, не предчувствуя ничего дурного. И вот когда в очередной раз она взмахнула крыльями, сверху упала крупная капля смолы. Не на бабочку и даже не на цветок, а рядом, лишь краешком задев их, но капля была такая большая и тяжелая, что с тычинок и с крыльев бабочки взметнулось легкое облачко пыльцы. И в легкое густое облачко угодила следующая капля живицы. Прихватив облачко, капля улеглась рядышком с преддушей. Цветок уцелел, но бабочка погибла, ибо

без пыльцы на крылышках жить такие, как она, не могут.

А вот еще одно доказательство, что в том месте все-таки была вода, — ведь рыба водится только в воде. И как раз тогда из икринок вылуплялись мальки. Вылуплялись один за другим, однако так устроена жизнь, что всегда кто-то отстает. Вот и тогда самый последний малек не успел полностью вылупиться. Все братишки и сестренки весело поплыли себе, а эта малюсенькая рыбка так и осталась навеки с икринкой на хвостике, пригвожденная густыми, тяжелыми каплями живицы, догнавшими ее в воде.

Большая золотая муха присела отдохнуть на шершавом стволе сосны. Долго пристраивалась поудобнее, переступая ножками, наконец выбрала удобное положение и с наслаждением принялась чистить крылышки. Ей и невдомек было, что над ее головой нависла беда, воплощенная в тяжелых каплях смолы. Они стекали с верхушки сосны одна за другой, сливаясь и ускоряя свой бег. Вот струя живицы задержалась на миг на какой-то неровности коры, а затем всей тяжестью обрушилась прямо на золотую муху. Та не успела и шевельнуться, мгновенно накрытая липкой массой. Она и погибла мгновенно, зато сохранила навеки

свою красоту и обрела бессмертие. Пройдет много-много лет, и из-за золотой мухи существа так называемого высшего разряда, которые в то время еще не успели появиться на молодой прекрасной планете Земля, примутся безжалостно убивать друг друга...

Минуло более двадцати миллионов лет.

***

Зима стояла суровая, и море замерзло аж до самой Швеции. Во всяком случае, по ледяному панцирю можно было дойти до горизонта, а не исключено, что и дальше, если, конечно, не переломаешь ноги на буграх и торосах, не провалишься в трещины, не завязнешь в снежных заносах. А вдоль берега громоздились застывшие ледяные валы четырехметровой высоты, очень уместные в окрестностях Северного полюса, но не на Вислинской косе.

Мороз не ослабевал, хотя солнце, со своей стороны, очень старалось и не только сияло, но и честно пыталось греть, всячески подчеркивая, что на дворе как-никак начало марта и зима бесчинствует незаконно. Оно так старалось, что в конце концов верхний слой замерзших еще в декабре ледяных

глыб кое-где подтаял. Поэтому иногда удавалось раздолбать искрящуюся корку у берега, и тогда под ней обнаруживался янтарный сор.

***

— Выброс случился, аккурат как морозы вдарили, — печально пояснил Вальдемар. — Бушевали сильные штормы — и только стихли, только море улеглось, как морозы и вдарили! В одну ночь все напрочь замерзло, сама пани видит — до сих пор держится.

— Так ведь уже март, пора бы и тронуться! — в тон ему ответила я, причем с таким возмущением, словно это Вальдемар виноват в том, что до сих пор все сковано льдом.

Вальдемар не обиделся.

— Оно, конечно, пора. Но сначала стронется залив. Пани может не беспокоиться, мы услышим. Постреляет!

Я оживилась.

— Так есть надежда?

Вальдемар с сомнением глянул в кухонное окно, выходящее на юг, в сторону залива.

— Да нет, надежды особой нету, но я бы лично поостерегся ехать на машине.

— Ну, раз вы так говорите, значит, того и гляди — покажется вода.

Уж я-то прекрасно знала, что если кто и рискнул бы проехать на машине через подтаявший залив, так только Вальдемар. Когда лед был толстым и крепким, по нему раскатывали все кому не лень. На чем попало: на мотоциклах, джипах, грузовиках, я уже не говорю о банальных легковушках. Ведь напрямую, через залив, до Толкмика и Фромборка было гораздо ближе, чем вкруговую, по берегу, — всего-то пятнадцать минут езды вместо полутора часов! Да и до самого Эльблонга дорога тоже намного сокращалась. Жители косы уже несколько лет зимой именно так добирались до материка, причем для водителей езда по этой «автостраде» была еще и дополнительным развлечением — каждый старался показать, на что способен. Кто выписывал на льду замысловатые фигуры, кто с разгона сигал через торосы, устраивались всевозможные соревнования и конкурсы. Вальдемар с малолетства принимал в них участие и всегда старался быть первым. Так продолжалось до тех пор, пока лед не делался совсем тонким. Наверняка и в этом году Вальдемар последним проехал по нему.

Через два дня и вправду с залива донеслись звуки выстрелов, его поверхность изменила цвет, куда-то подевалась белизна. Теперь на серо-голубой глади возвышались лишь взгромоздившиеся друг на друга льдины, между которыми отчетливо просматривались трещины. У берега вода начала довольно выразительно хлюпать, а в порту у лодок засуетились рыбаки. Однако море оставалось в прежнем виде.

Тоскливо обозревала я полярный пейзаж, бродя одна-одинешенька по пустынному берегу. Тоскливо мне было не только из-за пейзажа. На сердце лежала тяжесть, ибо я совсем недавно рассталась с мужчиной своей жизни, и, похоже, навсегда. Сюда, на косу, я прибыла, чтобы немного утешиться, ведь море всегда было лучшим лекарством от сердечных невзгод. Но сейчас целительное море ничуть не походило на себя, вот мне и приходилось слоняться по берегу, спотыкаясь на обледенелых ухабах и ямах, в ожидании, когда оно примет обычный вид. И дослонялась-таки! Угодила ногой в обледеневшую расщелину и от боли опомнилась. Немного постонав и обозвав себя словами, которые в прежние времена считались непечатными, я решила — хватит! Хватит с меня сердечной терапии, завтра на пляж ни ногой, устрою себе отдых.

Уж не знаю почему, но как-то так получается, что я всю жизнь принимаю на редкость идиотские решения.

На следующий день я позволила себе поваляться в постели, встала попозже и, кажется, даже позавтракала. Потом оделась и отправилась в магазин.

Вернулась где-то к часу, и сумка с покупками выпала у меня из рук. Я услышала... Сначала даже подумала — ослышалась или перестала понимать польский язык. Вальдемар висел на телефоне и торопливо созывал братьев на янтарь.

В прихожей, у лестницы, по которой я собралась подняться, стоял Мешко, сын Вальдемара, которого я знала чуть ли не младенцем.

— Что происходит, Мешко? — не помня себя, заорала я. — Какой янтарь?! Ведь море подо льдом до горизонта!

— Какой там горизонт? — небрежно отозвался Мешко. — До самой Швеции вода! Ну не совсем, но лед сдвинулся, и янтарь пошел.

Хотя человек в двенадцать лет может и ошибиться, поскольку в этом возрасте ему еще не доверяют сетку и не облачают в комбинезон, меня тем не менее вихрем пронесло по лестнице наверх, так что я даже не заметила, куда сунула авоську с покупками. Одной рукой пытаюсь попасть в свитер, второй

я натягивала теплые колготки. Уже впрыгнув в высокие резиновые сапоги, схватилась за толстые рейтузы, плюнула и с шапкой в руках, с сеткой через плечо, хлопая по карманам в поисках перчаток, я как сумасшедшая вылетела из дома и помчалась к лесочку, которым поросла ближайшая дюна. Продралась сквозь заросли, распугав оголодавших за зиму кабанов — их быстрые тени пару раз мелькнули передо мной. Я как-то позабыла, что этих животин следует опасаться, до кабанов ли сейчас!

И все равно на берегу уже суетилось не менее трети населения Песков. Вальдемар с братьями тянул сеть метрах в двухстах левее меня, и эти метры я преодолела, наверное, одним прыжком, мгновенно оказавшись рядом с ними.

Одного взгляда хватило, чтобы оценить ситуацию. Команда Вальдемара уже принялась вытряхивать из сети целые горы черного мусора, но у берега достаточно плескалось и ничейного, море приоткрыло прошлогодние запасы. Да что толку, даже в высоких резиновых сапогах мне своей сеткой до драгоценного мусора не дотянуться, пришлось бы по пояс погрузиться в ледяную воду, как это делают рыбаки. Доступными для меня были лишь жалкие кучки на берегу да тот сор, что волны прибили к самым ногам. Что ж, и это неплохо.

Неписанный, но свято соблюдаемый закон гласит, что извлеченная из моря куча янтарного мусора является собственностью того, кто ее извлек. До тех пор, пока хозяин собственноручно ее не переберет и не бросит. Потом она становится общественным достоянием и рыться в ней может любой. Теперь же, когда так неожиданно и стремительно открылось янтарное Эльдорадо, рыбаки выбирали лишь самые крупные, лучшие куски, а средний хлам в спешке откидывали. Не до него — скорей, скорей отхватить у моря еще никем не тронутые сокровища! Вот тут-то и раздолье для таких собирателей янтаря, как я.

Ветра почти не было. Оно и понятно. В сильный ветер взбудораженное море лишь перемешивает янтарный мусор, а на берег мало что попадает. На пологих волнах грозно покачивались огромные, толстые льдины, сталкиваясь друг с другом, сходясь и расходясь, открывая новые и новые нагромождения сокровищ. Успеть бы забросить сетку, прихватить хоть немного, пока темную полосу снова не скроет подоспевшая льдина...

Я глянула мимоходом на рыбаков, и мороз пошел по коже. Два брата Вальдемара с трудом отталкивали напирющие на него колоссальные ледяные плиты. Если накроют человека — верная смерть!

Одну удалось отпихнуть, вторая краешком задела. И все-таки Вальдемар, по шею в воде, как-то устоял на ногах, успел сунуть сетку под надвигающуюся громадину; братья придержали льдину, сетка полетела второй раз, а потом Вальдемар поволок ее, полную, к берегу. Я видела, как легко опорожнил он сорокакилограммовую авоську и устремился обратно в море, даже не прикоснувшись к огромному куску янтаря, медово поблескивающему среди черной массы морской травы и каких-то палок. А я, лишенная возможности действовать в море, поскольку сапоги доходили мне лишь до бедер, истово трудилась вместе с собакой — мы рылись в куче, которую успели просмотреть рыбаки. С колли, питомцем Вальдемара, я была знакома, мы друг другу не мешали. Я искала янтарь, пес — креветок.

— Убери морду! — сердилась я, отталкивая животное. — Твой хозяин совсем заелся, такой чудесный кусочек не взял. Или проглядел? На, вот тебе рыбешка! А это оставь мне, оно несъедобное.

Пес добросовестно ворошил мусорную кучу, что было мне на руку: я перестала рыться сама и лишь выхватывала из-под собачьих лап кусочки янтаря, подсовывая взамен креветок. Дело спорилось, хотя мой улов не шел ни в какое сравнение с добычей рыбаков.

Постепенно мы вплотную приблизились к рыбакам. Выбравшись в очередной раз на берег, Вальдемар, негромко лязгая зубами, попросил:

— Проше пани, достаньте из моего кармана целлофановый пакет. Нет, из верхнего...

Задубевшими пальцами в насквозь промокших перчатках я извлекла из нагрудного кармана его комбинезона большую пластиковую сумку и даже сумела ее развернуть. Вытряхнув сетку, Вальдемар принялся бросать в сумку отборные куски янтаря. Можно сказать, что я ему почти не завидовала, он их по справедливости заработал. Кто мне мешал тоже залезть в море? Пожалуйста, никому не запрещается. А так я промокла всего до пояса, а он — по самую макушку...

Безумие висело в воздухе от границы до самой Стегны. Море оттаяло внезапно, за одну ночь, и сейчас отдавало то, что накопилось за последние осенние штормы. Жители рыбацких деревушек издавна поделили между собой побережье, и с утра все местное население металось по обледенелому пляжу, извлекая из моря сокровища.

В ажиотаже я неосторожно влезла слишком далеко в море, и в один сапог хлынула ледяная вода. У меня аж дух перехватило! Прыгая на одной ноге, я выбралась на сушу, вылила воду из сапога,

обулась и двинулась дальше, хотя от холода ноги отказывались слушаться, а зубы стучали, как кастаньеты. Но все превозмогла янтарная лихорадка.

Только наступившие сумерки прогнали людей с пляжа. И меня тоже. Потом пришел следующий день, и он оказался не хуже предыдущего. Все жители Песков с раннего утра торчали на берегу. Не будучи местной, я не стала составлять им конкуренцию, а отошла подальше. В конце концов, для местных янтарь — основа благосостояния, для меня же лишь хобби. Нет, не так. Для меня янтарь — дикая страсть, безумие, но все равно я слишком хорошо воспитана, чтобы отнимать хлеб у других. Итак, я отошла подальше, и тут мое благородство было вознаграждено.

Совсем недалеко от берега, за небольшой песчаной отмелью, на волнах покачивался чудесный янтарный мусор. Позабыв об осторожности, я шагнула прямо в песок и провалилась по колена. Песок оказался зыбучим, как в пустыне. Езус-Мария, сейчас засосет, как глупую корову в болоте, да еще в ледяную воду затянет!

Как можно осторожнее плюхнувшись на предательски зыбкую поверхность, я потихоньку поползла к твердой земле. Холода я не чувствовала, напротив, взопрела от эмоций. И не отказалась от

намерения выловить свою добычу. Размахнувшись изо всех сил, я забросила сетку-сачок прямо на возделенную полосу и извлекла за один бросок около двадцати крупных кусочков янтаря, таких, что идут на кулоны или на самые большие бусины. Какое счастье! Оно вспыхнуло во мне фейерверком.

Ветра по-прежнему не было, и по-прежнему льдины лениво колыхались на волнах. Я вскарабкалась на одну из них, и меня чуть кондрашка не хватил. Совсем рядом, рукой подать, плавало сокровище, до которого мне ни в жизнь не дотянуться сеткой. Воды в этом месте было всего-то по пояс, но видит око... Надо во что бы то ни стало обзавестись комбинезоном, как у рыбаков. Очередной катастрофы я избежала лишь чудом — пока мечтала о недоступном янтаре, волна незаметно уносила меня от берега. В последний момент я исхитрилась и спрыгнула-таки с льдины.

И все равно в это утро я насобираала порядочно, всего за два дня набралось около трех килограммов... Ну, может, малость преувеличиваю, но уж два килограмма точно. По килограмму янтаря в день!

— Такое случается раз в несколько лет, — пояснил Вальдемар, прополаскивая свой янтарь в дуршлагае. — Пани повезло, ведь бывают совсем